

ЧЕТЫРЕ дня с Виктором Астафьевым. Четыре дня в тихой деревушке Сибле, куда часто приезжает писатель, оставляя квартиру в Вологде, потому что лучше всего работает и пишется здесь, в доме, из окон которого виден долгий, спускающийся к реке Кубене луг, лошади на нем, тихие избы на другом берегу.

Прогулки вдоль реки в сопровождении Дружка — веселой молодой лайки, чай с душистой черемухой... Рассказы писателя о жизни, о литературе, о людях, оставшихся в памяти и на страницах книг.

Больше всего мы говорили о «Царь-рыбе» — последней книге писателя. На страницы книги выплеснулись любовь к природе и людям, взаимосвязь природы с человеческой судьбой. Рецензии, дискуссии, высказывания специалистов, имеющих отношение к системе «человек — природа», стоящей в центре этого «повествования в рассказах», подтвердили актуальность, затронутых проблем. В письмах читателей, принимающих героев как живых людей, ярко проявились стремление к доброте, вера в то, что хорошие качества, которыми Астафьев наделил многих своих персонажей, — черты, принадлежащие реальным лицам.

Как же рождалась «Царь-рыба»?

Вот что рассказывает Виктор Петрович АСТАФЬЕВ.

— Всякий раз спрашивают о героях, так, что ты должен тут же немедленно называть прототип, как будто паспорт показать. Может быть, в этом похвала автору, но не похвала читателю, который воспринимает все так буквально. В любом случае герой — это какой-то вымысел. Даже моя бабушка в «Последнем поклоне» — наиболее автобиографическая героиня — не совсем соответствует реальной бабушке.

Сомерсет Моэм говорил, что воображение писателя — это такая наковальня, пропустив через которую собственное сердце, писатель не узнает его.

Можно, конечно, говорить о фактологии. Вот есть такая глава в «Царь-рыбе» — «Уха на Боганиде». Так события, которые описываются в главе, всю ребятню, рыболовецкие бригады я увидел лишь несколько лет назад, и не где-нибудь, а на Кубенском озере, в 62 километрах отсюда. И поскольку у меня начала выстраиваться «Царь-рыба», я перенес наблюдения на Енисей, в дальние годы. И сделал из этого главу, которая стала центром книги, смыслом всего. Это глава о доброте.

А вот на роль поселка Чуш могли бы претендовать многие другие поселки. Я вообще-то имел в виду один, хорошо известный мне. Мне говорили, что там сейчас угадывают: кто это Дамка, кто Грохотало, кто Командор, кто Игнатич... Игнатич, кстати, тип собирающий, а вот, например, человек с отмороженными руками там есть. Конечно, и в этом поселке много хороших людей, настоящих хозяев, настоящих работников.

Астафьев называет имена своих героев, и я прошу его подробнее рассказать об одном из них — Акиме. Человек мужественный, добрый, идущий к людям с открытой душой, он словно соединил в себе черты всех хороших людей, что встречаются в жизни.

— Во многом книга рождена благодаря рассказам моего брата Володи. Он даже и сам не подозревает, сколько сделал для «Царь-рыбы». Когда он рассказывал — а рассказчик он великодушный — я не знал, что это ляжет в книгу, что он сам в нее явится, ворвется в обличье Акима. Это человек, который последнюю рубашку снимет, отдаст кому угодно. Он рубашку отдаст, а с него еще и майку снимут, нагишом оставят. Такой он. Такие вот у него слабости, наши, российские. Мне все говорят, что вот неактивный... Пусть другие напишут активного. Я своего героя люблю такого.

Астафьев вспоминает о письмах, которые приходили после опубликования «Царь-рыбы». Писали геологи, лесники, ученые.

— Особенно для меня интересны были письма прямо из тех мест, которые в книге описаны, от людей, которые в экспедициях там работали. Меня эти письма немного успокоили: многое же писалось по памяти, я побаивался, может быть, допустил какие-то неточности. Курейку, например, я видел только с устья, даже не летал над ней, в Нижнюю Тунгуску тоже с устья только заезжал, но знание других рек, знание Енисея, низовьев его, Заполярья — все-таки в детстве там жил — помогло мне воспроизвести все это.

Были и ругательные письма. Но по другому поводу. Ну, такие, допустим: в книге нет положительного героя... Хотя я не знаю, как человек, подобный Акиму, который добр душой и творит добро, не может не быть примером.

Мне вообще очень дороги письма читателей. Особенно по «Последнему поклону», прежде всего из тех семей, где книга не является, как у нас говорят, «другом семьи». И вдруг книгу прочли вслух. После разговора о читатель-

ских письмах я прошу Виктора Петровича рассказать о его личных книжных пристрастиях.

— В читательском мировосприятии существуют какие-то вещи сугубо индивидуальные. Вот, например, как воспринимаю книги я как читатель? Мне как-то предложили прочесть сборник стихов под названием «Мотоцикл», говорят, хороший. Но я не буду читать книгу с таким названием, потому что называть книгу «Мотоцикл», «Велосипед», «Автомашина» — на это надо иметь очень дерзкие основания и, наверное, характер какого-то особого мышления. «МАЗ», «КРАЗ» — марок машин хватит на всю литературу, если ими книги называть. А там еще станков сколько, самолетов!

Первые произведения в

писали романы, это было модно. Роман о колхозной деревне, он по тому времени был не хуже и не лучше других. Его даже предлагали переиздать, я не захотел. Это, конечно же, моя неудача. Но как к ней относиться? Эта неудача была своеобразным уроком, чтобы в дальнейшем не писать таких романов, серьезнее относиться вообще к крупному полотну, научиться соизмерять свои силы, не быть таким самонадеянным.

Мне встречались люди с большими литературными задатками, с талантом, которые сами из себя делали неудачников. То есть очень рано вкусив какого-то писательского легкого хлеба, а иногда даже и нелегкого, разучившись работать, поняв, что разговаривать о литературе

Мне очень понравилась книга В. Астафьева «Царь-рыба». Она рассказывает о местах очень мне близких — о Сибири. Чувствуется, как хорошо писатель знает жизнь. Дорогая редакция! Расскажите о рождении этой книги, о том, как работает Виктор Астафьев.

Н. СКУБА.

ХАБАРОВСК.

Виктор АСТАФЬЕВ:

ДОСЛУШАТЬ И ПОНЯТЬ ВСЕ ПЕСНИ

гораздо легче, чем создавать ее, они постепенно становились раздвоенными, злыми, успехи других людей казались им незаслуженными. Этот литературный неудачник — и в семье, и в жизни очень тяжелое явление.

А есть люди, которых так называемая неудача закаливает, и они работают потом еще сильнее. Ну хотя бы тот же Василь Владимирович Быков. Был у него трудный момент, а он преодолел его, работает. Это уже, видимо, зависит от натуры, от характера.

У писателя каждый день может неудача быть. День, второй, третий, пятый — все не получается, все выбрасывается в корзину. Можно все бросить, начать разговаривать о литературе. Это легче, чем работать за столом в одиночку, стиснув зубы.

Писатель должен воспитать в себе любовь к работе. Я лишен многих удовольствий, встреч, поездок, потому что сижу за письменным столом. Работаю. И верю, конечно, в удачу.

Требовательный к себе, к своему творчеству, Астафьев так же требователен к другим. В беседе мы касаемся высокой миссии литературы в воспитании человека, роли критики, которая призвана не только осмысливать литературный процесс, но и помогать читателям в нем разбираться.

— Читателю порой трудно определить: хорошо ли, плохо ли то, что ему предлагают. Ведь напечатано, а напечатанному невольно веришь. Я вспоминаю, что говорил Твардовский некоторым авторам: «Идите и больше не приходите. Вы пишете ниже уровня нашего журнала». У нас нечасто встречается это мужество — сказать так. Критика, мне кажется, у нас все время идет вширь и мало очень вглубь. Она у нас рецензионная, то есть отбрасывающая факты, происходящие в литературе, причем оценочно: «хорошо — плохо», «бело — черно», тогда как она должна если не идти вперед, как ей полагается, то хотя бы сопутствовать литературе, осмысливать процессы, которые происходят в литературе и в жизни.

Здесь, в маленькой деревушке, затерянной в лесах нашей России, по-особому звучат размышления Астафьева о самых дорогих для нас словах: любовь, Отечество, Родина.

— Я, например, одно стихотворение прочитал — напечатанное, между прочим, в журнале, — там строк, наверное, шестьдесят, и двадцать раз упоминалось «Россия, Родина». Тем не менее в этом стихотворении никакого ощущения России, Родины не было. Это была просто трескотня. По-моему, за трескотню, за обездушивание и обезличивание таких слов надо наказывать.

Писатель осторожнее должен быть, взвешательнее к себе. Если уж поставить слово «Родина» — так, действительно, чтобы это сердце, кожу обдирало, дрожало все! Родина — понятие великое. Жизнь, Родина — два величайших понятия.

Так относится к слову, так пишет сам Виктор Астафьев. В одной из глав «Царь-рыбы» он поэтически сформулировал задачу, которая стоит перед каждым настоящим писателем: «...Дослушать и понять все песни». Многие песни он уже донес до нас. Друзья рождаются сейчас в этом сером брезентовом доме с простым адресом: деревня Сибла Вологодской области.

А. ЮРИКОВ.

моей жизни, которые я еще не читал, потому что читать не мог... Это было в сельской школе, в моем родном селе Овсянка, неподалеку от Красноярска, — Евгений Николаевич и Евгения Николаевна, учитель и учительница, очень милые люди, читали нам вслух. Первое, что я услышал в жизни, был «Кавказский пленник» Льва Николаевича Толстого. Второе — «Дед Архип и Ленька» Максима Горького. Эти вещи я с тех пор не перечитывал. И не буду перечитывать. Потому что есть ощущения, с которыми нельзя расставаться, которые ты должен сохранить, как драгоценный тебе подарок. Таким вот ощущением совершенно невероятного открытия они мне остаются. И под этим великим и счастливым озарением я в дальнейшем читал книги.

И сейчас я прочитаю хорошую книгу — такую, например, как «У святские племеносцы» Евгения Носова, — и уже завидую всем людям, которые ее будут читать. Думаю, что писатель, умеющий подарить людям такое счастье открытия, просветления, слез, — это великая профессия.

С таким ощущением я читал Маркеса «Сто лет одиночества» — с ощущением открытия, совершенно нового в литературе. И, как видите, называется «Сто лет одиночества», а не «Мотоцикл». Я все время этот «Мотоцикл» мозолю потому, что это, я считаю, литературное хулиганство. В нашей литературе существуют такие спокойные названия, где одна из величайших трагедий называется «Борис Годунов»... Хотя уж тут можно было накрутить! Этой скромности названия, спокойствию, уверенности писателя в том, что он за своим названием может открыть огромные пласты жизни, высказать серьезную мысль, — этому, наверное, надо всем нам учиться.

Но это мое вкусовое, что ли, отношение к литературе.

В одной из своих статей Виктор Астафьев отнес себя к ряду людей везучих. Интересно было узнать у него: как он относится к удачам и неудачам?

— Что такое неудача? Это для одного кажется неудача, а для другого — удача... Вопрос очень глубокий и сложный. Вот, например, удача или неудача то, что я побывал на войне? Как к этому относиться? Там меня три раза ранили... А до этого я работал на железной дороге, имел броню. Мог не ходить на войну, но пошел. Потом стал писать. Вероятно, и не пойдя я на войну, я все равно стал бы писателем, но с другими темами, с иным мировосприятием.

Я очень рано написал свой первый роман. И тогда